

«Эль-Сид» — это роман, а не документальное повествование, и потому я по своей воле соединил в нем историческую действительность, легенду и вымысел. И когда повествование того требует, реальные события — такие, как изгнание Сиды или битвы при Альменаре и под Теваром, — порой описываются иначе, порой сливаются воедино. Это же самое происходит с героями — как с историческими личностями, так и с теми, кого породило авторское воображение. Испанская традиция богата на Рувей Диасов. Этот — мой.

Суть зверских тех времен, венчанных лавром,
Непостижима тем, кто в них не жил:
Чем больше глоток перерезал маврам,
Тем ревностней ты Господу служил.

Поведать собираясь без прикрас
О временах сплошных кровопролитий,
Заранее предупреждаю вас:
Вы не меня — историю хулите.

Хосе де Соррилья. Легенда о Сиде

Иных людей помнят дольше, чем целые народы.

Элизабет Смарт

Часть первая

ПОХОД

I

С гребня горной гряды, козырьком приставив ладонь под обрез шлема, всматривался в даль усталый всадник. В отвесных лучах солнца воздух подрагивал и зыбился, делаясь почти осязаемо плотным. Посреди изжелта-белесой долины виднелось маленькое бурое пятно монастыря Сан-Эрнан, откуда восходил к небесам столб дыма. Нет, не из-за укрепленных стен обители, но откуда-то рядом с ними — из монастырского амбара или конюшни.

— Неужто братия еще отбивается? — подумал всадник.

И, дернув повод, повернул коня, начал спуск по склону. Монахи обители Сан-Эрнан, размышлял он, внимательно следя, куда конь ставит ногу, люди крутого замеса, вояки и бойцы. Иначе бы и не выжили здесь, возле единственного в округе источника хорошей воды, на пути у мавров, которые издавна приходят сюда с юга в поисках добычи — скота, рабов и женщин.

Победят святые отцы или погибнут, в любом случае — когда мы подоспеем, все уже будет кончено.

Воины его, спешившись, чтобы понапрасну не утомлять коней, ожидали у подножья: после долгого перехода восемь тяжело навьюченных мулов и сорок два всадника, одетых в железо и кожу, с копьями, притороченными у седла справа, были густо запорошены пылью, — смешавшись с потом, она застыла на бородатых лицах непроницаемыми серыми масками так, что на виду остались только воспаленные глаза и губы.

— Пол-лиги¹, — сказал всадник.

Не дожидаясь приказа, молчаливые, как всегда, воины сели в седла, вдели ноги в стремяна, поерзали, поудобнее примастивая усталые тела. Предводитель тронул шпорами своего коня, выехал вперед, и тотчас у него за спиной зацокали копыта по каменистой земле, заскрипела седельная кожа, зазвенело оружие о железо кольчуг — отряд со щитами за спиной не очень стройной вереницей двинулся следом.

Когда добрались до Сан-Эрнана, солнце уже миновало зенит.

Воины, покачиваясь в седлах в такт лошадиному шагу, ехали медленно. Еще потрескивали, пробегая по дымящимся, обугленным доскам амбара, последние язычки пламени. В двадцати шагах от пожарища высились каменные стены и купол нетронутого огнем монастыря. Первое, что увидели всадники, приближаясь, был крест на невысокой колокольне — и все молча приняли это к сведению. Ибо всякому известно: мавры прежде всего сшибают кресты.

---

¹ Испанская лига — мера длины, равная 5,5 км.

Тем не менее последний отрезок пути войны проделали развернувшись в боевой порядок, озирая местность пустыми, ничего не выражающими, однако очень внимательными глазами: перекинули копья поперек седла, надели щиты на руку и приготовились к отпору, если противник притаился где-нибудь и решил дожидаться темноты. Недаром же старинная поговорка гласит: «Кто насторожен — тот вооружен».

А то, что мавров не видно, совсем не значит, что тебя не видят они.

Когда подъехали к воротам, помещавшимся с северной стороны стены, их уже ждали монахи — человек двенадцать. Тонкие, сквозящие сутаны перепачканы землей и копотью, в руках — мечи и круглые щиты. Один, молодой и рыжий, держал арбалет, а за пояс были заткнуты три стрелы.

Вперед выступил настоятель. Длинная борода с нитями седины, усталые глаза. Загорелая лысина, избавлявшая от необходимости выбривать тонзуру. Без особой приязни он взглянул на командира. И сказал сухоовато:

— Наконец-то пожаловали.

Командир в ответ лишь пожал плечами, обтянутыми кольчугой. Поглядел туда, где у подножья крепостной стены в тени, с каждой минутой становившейся все обширней, лежали два закрытых рядом тела.

— Это наши, — сказал настоятель. — Брат Педро и брат Мартин. Работали на огороде и не успели укрыться за стенами.

— У мавров убитые есть?

— Вон там.

Он отступил на несколько шагов; всадник, бросив поводья, тронул коня следом. У восточной стены на охапке сухой колючей травы — три трупа в бурнусах. Всадник с высоты седла оглядел их — у одного размотавшаяся чалма открывала глубоко разрубленный лоб. Второй лежал ничком, так что не поймешь, куда он был ранен. Третий — на спине, остекленевшие глаза полуоткрыты, в груди арбалетная стрела. От зноя телá уже начали чернеть и раздуваться. Кровь почти свернулась, и над ними с назойливым гудом вился остервенелый мушиный рой.

— Попытались с этой стороны пойти на приступ. Думали, легче будет — тут стена ниже.

— Сколько их было?

— Десятка три, если не больше. Напали на заре, чуть свет, когда двое братьев вышли в огород... Хотели их взять живыми и прорваться внутрь, но наши криком оповестили нас. Ну, те их убили и все утро лезли на стены.

— Давно убрались?

— Недавно. — Настоятель окинул взглядом верховых, которые стояли чуть поодаль, разговаривая с монахами. — Может быть, заметили вас, а может быть, и нет. Так или иначе — сгинули.

Всадник пригладил бороду. Он размышлял, разглядывая уходившие к западу следы копыт — кованых и многочисленных. Аббат снизу вверх пытливо смотрел на него, заслоняясь ладонью от бившего в глаза солнца.

— Пойдете в погоню?

— Разумеется.

— Они уже далеко ушли.
— Спешить не надо. Такие дела делаются медленно. А мои люди устали.

Лицо настоятеля чуть смягчилось.

— Можем дать вам воды и немного вина... Хлеба не пекли, но остался третьёводнишний. Сало есть, говядина вяленая.

— Удовольствуемся этим.

Они вернулись к остальным. Настоятель шел у стремени всадника, который сделал знак своему помощнику, оставшемуся впереди отряда — краснолицему, широкому в плечах и в поясе, в изношенной серой накидке поверх лат, — а тот в свою очередь отдал безмолвный приказ спешиться. Воины, спрыгнув с коней, стали разминать затекшие ноги, отряхиваться от пыли, сняли шлемы, раскалившиеся на солнце, хоть и были изнутри обтянуты тканью.

— Откуда путь держите? — осведомился настоятель.

Командир тоже слез с седла. Перебросил поводья через голову коня, слегка потрепал его по шее. Потом снял шлем. Кольчужный капюшон у него был откинут на спину, но коротко остриженные волосы под бурым полотняным подшлемником слиплись от пота.

— Нас подрядили преследовать мавританский отряд. Вот мы и преследуем.

— Это все ваши люди?

— Нет, в Агорбе есть еще бойцы и обоз. Но маврамы занимаются лишь те, кто перед вами.

Аббат показал на запад:

— Там появились новые поселения. Опасаюсь за жителей.

Командир взглянул в ту сторону. Потом стянул подшлемник, вытер им мокрый лоб и снова пожал плечами:

— Так помолитесь за них, святой отец. Помолитесь, чтоб беда их обошла стороной.

— А вы?

— Всему свой черед.

Аббат окинул его взором внимательным и оценивающим:

— Вы еще не сказали, как вас зовут, сеньор рыцарь.

— Руй Диас.

Монах оторопело заморгал. Имя произвело на него впечатление.

— Из Вивара?

— Из Вивара.

Когда смерклось, разбили бивак чуть западнее обители, в расселинах и ложбинах, позволявших развести костры и не бояться, что будет заметно издали.

Коней расседлали, разнуздали, стреножили, а сами, расстелив плащи, повалились на землю поесть и выпить разбавленного вина. Трапеза проходила почти в полном молчании: все были слишком утомлены, чтобы вести беседы. Оружие держали под рукой. Двое дозорных, повесив на шею сигнальные рожки, разъезжали вокруг маленького лагеря. Силуэты их медленно скользили во тьме под звездами, и время от времени хрустел песок под копытами лошадей.

Подошел помощник — краснолицый и дюжий здоровяк. Прозвище его было Минайя, а христианское имя — Альвар Фаньес. Пламя ближайшего костра

высветило его кряжистую, плотную фигуру. Заиграло бликами на крестообразной рукояти кинжала у пояса. От Минайи, как и от всех, пахло потом, железом, кожей. Оспа и вражеские клинки оставили свои следы на лице, которому сейчас, без шлема и кольчужного капюшона, будто чего-то недоставало.

— Чего надумал?

— Пока что ничего.

Не размыкая губ, потому что оба слишком хорошо знали, с кем имеют дело, они спокойно смотрели друг на друга: Минайя — присев на корточки, командир — полулежа и привалившись спиной к седлу и переметным сумам. Оба словно застыли в неподвижности. Красноватые отблески метались по бородастым лицам, то выхватывая их из тьмы, то вновь пряча.

— Они тем временем много черных дел натворят, — сказал наконец Минайя.

— Засуетишься — пропадешь.

Минайя, мгновенье подумав, кивнул:

— Это так.

Руй Диас оторвал волоконце вяленого мяса, принялся усердно жевать, размалывая его зубами, чтоб хоть немного размягчить. Другое предложил Минайе, но тот мотнул головой:

— Аббат сказал, что дальше, по пути к сьерре, появились четыре новых поселения.

Оба взглянули на своих людей, разлегшихся вокруг костров. Среди них был и укрывшийся попоной монах. Тот самый рыжий, что отстреливался от мавров из арбалета со стен Сан-Эрнана. Настоятель поручил ему сопровождать отряд, благо молод и знает

здешние места. Мог сгодиться и в качестве духовного поводыря. А следовал он за ними верхом на муле, приторочив арбалет к седлу.

- Небось там и женщины, и дети...
- Куда ж без них, — пожал плечами Минайя.
- Худо дело.
- Да уж, клянусь честным крестом... Хуже некуда.

Руй Диас принялся мысленно раскладывать дни, дороги, суточные переходы, прикидывать возможности и вероятия. Доска, на которой играют в такие шахматы, — это пустоши, это безводье, скалы, знойные дни и студёные ночи. По слухам, неделю назад мавры большими силами прошли между рекой Гуадамбель и Сьерра-дель-Худио — иначе говоря, вторглись в обширное, граничащее с христианской Кастилией и мусульманскими королевствами ничейное пространство, где осели неимущие отчаянные люди — поселенцы-христиане, бежавшие от нищеты, семьи мосарабов¹, пришедшие с юга, разномастные ловцы удачи — осели, принялись разводить скотину, возделывать черствую скудную землю, одной рукой держась за рукоятку плуга, а другой — за рукоять меча; спали вполглаза и жили — покуда живется — со страхом в душе и с Господним именем на устах.

— Горожане Агорбе заплатили нам за то, чтобы мы охотились на мавров... — заметил Минайя.

— А мы и охотимся. Но я не собираюсь понапрасну мучить ни людей, ни лошадей. Шесть лиг в день —

---

¹ *Мосарабы* — собирательное название для христиан, проживавших на тех территориях Пиренейского полуострова, которые находились под властью мусульман.

не больше. Ну ладно — шесть-семь, если уж очень припрет.

— Чем позже мы нагоним мавров, тем хуже будет.

— Для кого?

— Для поселенцев.

— Взгляни на это с другой стороны. Чем позже настигнем, тем больше добычи у них будет и, значит, тем медленней они будут двигаться... С женщинами, рабами и скотиной особо-то не разгонишься.

Минайя улыбнулся. Потом, повернувшись, сплюнул в костер и снова улыбнулся:

— Черт возьми! Это ты дельно придумал.

— Более или менее.

— Прежде чем колоть кабанчика, его надо откормить.

— Ну да, что-то в этом роде. И тогда получишь колбасу, хамон и жаркое из требухи.

Минайя взглянул на монашка:

— Рыжему лучше этого не говорить. Он и так все время спрашивает, отчего мы не шпорим коней.

— Можешь сказать ему правду — но не всю. Скажи, что в таких делах спешить не надо, не то понапрасну измотаешь людей или угодишь в засаду. Обо всем прочем — молчи.

Собеседники, привстав и насторожившись, взглянули туда, где в этот миг на краю лоцины послышалось конское ржанье, посыпались камни. Но тут же раздался успокаивающий голос дозорного, — вероятно, его лошадь оступилась в темноте.

— Мы и не поговорили толком с тех пор, как выехали из Бургоса, — сказал Минайя.

— Отчего же... Поговорили. О многом.

— Не обо всем.

Молчание длилось, пока Руй Диас не разделался с ломтем вяленого мяса. Минайя все так же смотрел на пламя, от которого оспины на загорелом лице обозначились явственней.

— Они ведь последовали за тобой в изгнание. О нас, о родне твоей, речи нет: куда ты, туда и мы. Однако перед остальными ты в долгу. Должен хотя бы поблагодарить. Но минуло уже две недели, а ты слова им не сказал. — Он повел рукой, показывая на бесформенные очертания фигур вокруг костров. — Я думаю, они ждут от тебя этого самого слова.

— Какого слова?

— Не знаю. Какого-нибудь. Такого, чтоб за душу взяло.

Руй Диас поковырял в зубах:

— Когда они пошли за мной, знали, что делают.

— Их ведь никто не принуждал. Пошли за твоим именем и твоей славой. Не забывай этого.

— Я и не забываю.

Руй Диас завернул остаток мяса в тряпицу и сунул его в седельную суму.

— А ты, Минайя? Ты почему пошел?

— Скучно мне стало в Бургосе, — прозвучал в ответ отрывистый сухой смешок. — А я с детства усвоил: тому, кто с тобой поведется, уж что-что, а скучно не будет. — Он помолчал мгновение, словно в задумчивости, и снова рассмеялся. На этот раз — громче. И дольше.

— Ты чему смеешься, Минайя?

— Да вспомнил лицо Альфонсо в Санта-Гадее... Когда ты этак торжественно взошел по трем ступеням к алтарю, взялся за рукоять меча и велел королю поклясться... Помнишь?

— Еще бы не помнить. И мне, и ему.

— Все эти чванливые отпрыски знатных родов, цвет рыцарства Леона и Кастилии, зароптали тогда — но еле слышно, себе под нос. Ибо только ты один осмелился возвысить свой голос и сказать вслух то, о чем думали все.

Руй Диас подобрал с земли сухую ветку и бросил ее в костер.

— Обошлось мне это, как ты знаешь, недешево.

— Но ведь иначе ты поступить не мог, так ведь?

— Ты о чем?

— О том, что по твоей милости король сгорел со стыда. Клянусь телом Христовым, такое бывает не каждый день! Впрочем, ты с колыбели был отчаянным малым.

— Ладно тебе... Ложись спать. Завтра у нас долгий переход.

Минайя поднялся, потирая поясницу. Потом зевнул, рискуя вывихнуть себе челюсть.

— Доброй ночи, Руй. Храни тебя Господь.

— Доброй ночи.

Беззвучно шевеля губами, он читал молитвы — сперва «Отче наш», потом «Богородице», — не оставив в небрежении ни Мать, ни Сына. При его образе жизни да еще в нынешних обстоятельствах лучше засыпать, очистив душу молитвой и приведя в порядок

дела. Затем перекрестился, убедился, что меч с кинжалом лежат под рукой, укутался в плащ, половчее пристроил голову на седло и вытянулся, глядя в звездное небо. Догорали костры, храпели на разные голоса дружинники. Снова донеслось ржание. Над становищем на черном куполе небес очень медленно вращались вокруг Полярной звезды мириады других звезд, и над темными закраинами лощины уже повис колчан Ориона-охотника.

«Заставил короля стореть от стыда», — сказал Минайя. Вот потому он и оказался сейчас здесь.

Припомнить это нетрудно, подумал Руи Диас, особенно в такую вот ночь, под теми же небесами, которые смотрят сейчас и на него, и на монастырь Сан-Педро-де-Карденья, — в двух неделях пути, и путь этот с каждым днем все длиннее, — где нашли приют его жена и дочери, а денег на их содержание, между прочим, хватит только на полгода.

Припомнить нетрудно, продолжал размышлять он, лежа рядом с теми, кто последовал за ним в изгнание. Одних, как заметил Минайя, понудил к этому родственный долг: это его племянники — Фелес Гормас и заика Педро Бермудес, знаменосец. Оба Альвара тоже состоят с ним в дальнем родстве. Остальные — вассалы дома Виваров, давние и близкие друзья вроде Диего Ордоньеса, либо искатели приключений, примкнувшие к нему для пропитания, ради добычи или потому, что восхищались Руем Диасом и были уверены, что, раз уж ему не досталось христианского королевства, он свое возьмет в набегах на мавританские земли.

Здесь с ним были сорок два — самых лучших, самых отборных, — а еще пятьдесят пять человек он оставил в Агорбе под командой двух испытанных друзей — Мартина Антолинеса и Йенего Тельеса — охранять небогатый обоз. И больше у него никого не было.

И совсем нетрудно, если уж на то пошло, припомнить, как побагровел от ярости король Кастилии и Леона, когда был вынужден положить правую руку на Библию и поклясться, что не имеет никакого отношения к смерти своего брата Санчо. Подтвердить перед распятием, что на трон его возвел промысел Божий, а не рука убийцы. Шестой Альфонс прибыл в Бургос, ожидая услышать восторженные клики народа, — и услышал их, но лишь от той сверх меры возбужденной его части, которая называется «чернью», меж тем как кастильская знать сумела, словно бы ненароком, загородить ему путь и препроводить не во дворец, а в церковь, а там заставила принести клятву.

Мне подстроили ловушку, скажет потом Альфонсо своим присным. Эти чопорные бургосцы с их лицемерными улыбками и учтивыми манерами подстроили мне ловушку. Не улыбался только Руй Диас, сеньор Вивара и сподвижник его покойного брата. С непокрытой головой, с мечом на боку, он предстал перед королем: на вид — сама почтительность, а на деле — сух и тверд, как копьё, и столь же опасен. И это он понудил короля, поставленного перед алтарем, ответить на вопрос:

— Клянешься ли, что не причастен к злодейскому убийству своего брата?

— Да. Клянусь.

— Если ты говоришь правду, да вознаградит тебя Господь. Если кривишь душой — пусть спросит с тебя за это. И пусть тогда, как король дон Санчо, ты падешь не от руки высокородного кабальера, а будешь предательски убит в спину низким негодяем.

— Ты допек меня, Руй Диас.

— Что это по сравнению с адским пеклом?

После таких слов Альфонс Шестой изменился в лице, которое сделалось цвета спелого граната, и, раздвигая толпу бургосцев и созывая своих леонских, астурийских и галисийских рыцарей, быстрым шагом вышел из церкви.

— Дорогу королю! — кричал Руй Диас, оставшись один в алтарной части ее.

Полгода спустя, по королевскому указу, он был изгнан из страны.

Оглавление

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Поход	11
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Город	129
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. Битва	245
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. Меч	367
Благодарности	413